

Парижская Коммуна

18 марта 1871 года Париж восстал против ненавистного и всеми презираемого правительства и провозгласил себя свободным и независимым.

Это низвержение центральной власти произошло само собой, без ужасов, сопровождающих революции: в этот день не было ни одного выстрела, не было крови, пролитой на баррикадах. Правители исчезли при виде вооруженного народа на улицах; войска очистили город; сановники поспешили скрыться в Версаль, унося с собой все, что было возможно. Правительство испарилось, как гнилое болото, осушенное весенним ветром, и девятнадцатого Париж, не пролив ни капли крови, был свободен от смрада, заражавшего великий город.

Эта мирная революция открыла новую эру в серии революций, ведущих человечество от рабства к свободе. Под именем Парижской Коммуны возникла новая идея, призванная стать исходным пунктом всех будущих революций.

Как все великия идеи, она не была продуктом концепций философа или ученого: она создалась коллективной мыслью и работой целого народа. Эта идея была крайне неопределенна вначале; даже те, которые стремились привести ее в исполнение и посвятили ей свою жизнь, не понимали всего её значения. Они не отдавали себе отчета в революции, которую сами создавали; не понимали величия того нового принципа, который стремились осуществить. Только в последующей работе мысли этот новый принцип выяснился, определился и предстал во всей своей красоте и справедливости.

За пять, за шесть лет до Коммуны, в эпоху усиленного развития социализма, перед подготовителями будущей социальной революции предстал следующий основной вопрос: надо было найти способ политической группировки обществ, наиболее соответствующий той великой экономической революции, которой требует от нашего поколения существующий промышленный строй и которая приведет к уничтожению частной собственности и предоставлению во всеобщее пользование богатств, накопленных предыдущими поколениями.

Интернациональный Союз Трудящегося Народа дал ответ на этот вопрос. Группировка, — говорит он, — не может ограничиться одной нацией: она должна перешагнуть через искусственные границы. И вскоре эта великая идея охватила умы народов, овладела их сердцами. Преследуемая лигой всех реакций, она не погибла; как только препятствия, мешающая её развитию, падут по повелению восставших народов, она возродится, полная

силы и могущества.

Но что будет представлять из себя подобная обширная ассоциация?

Две могучих идеи ответили на этот вопрос: Народное Государство или Анархию.

Немецкие социалисты говорят, что все накопленные богатства должны быть сосредоточены в руках государства, которое предоставит их рабочим ассоциациям, организует производство и обмен и будет следить за жизнью и работой общества.

На это более опытные социалисты латинской расы им возражают, что подобное государство, — если-бы даже оно могло существовать, — было-бы самой ужасной из тираний. Этому идеалу, заимствованному из прошлого, они противопоставляют новый идеал — анархию, т. е. полное уничтожение государства и организацию, основанную на свободном союзе народных сил, на добровольном соглашении производителей и потребителей.

Многие сторонники Народного Государства, наименее зараженные правительственными предрассудками, признают в Анархии наиболее совершенную организацию; но анархические идеалы, по их мнению, так далеки от нас, что нам незачем ими заниматься. С другой стороны, анархической теории не доставало ясной и конкретной формулы, чтоб определить свою исходную точку, оформить свои концепции, доказать, что она опирается на стремления самого народа. Союз ремесленных корпораций и потребительных групп, распространяющийся за искусственные границы, выходящий за пределы существующих государств, казался в то время невозможным. Кроме того, было ясно, что он не может охватить всего разнообразия человеческих проявлений. Надо было найти для анархии более ясную и доступную формулу.

Если-бы дело шло исключительно о выработке теоретических формул, мы-бы сказали: оставим все теории! Но пока новая идея не получила ясного и точного определения, она не овладевает умами, не вдохновляет на решительную борьбу. Народ боится неизвестности и не берется за дело, пока у него нет, как точки опоры, вполне определенной и ясно формулированной идеи.

Эту точку опоры указала ему сама жизнь.

В течение пяти месяцев осады изолированный Париж узнал как велик избыток его экономических, интеллектуальных и моральных средств, какова сила его инициативы. Он видел, что шайка болтунов, захватившая власть, неспособна организовать ни защиты Франции от внешних врагов, ни её внутреннего благоустройства. Он понял, что центральная власть препятствует всякому свободному проявлению мысли и сил великого города, что правительство бессильно отражать удары и не может облегчить эволюцию человечества. Во время осады он видел самую ужасную нищету, нищету своих рабочих и защитников наряду с наглой роскошью правителей бездельников. Он понял, что центральная власть была причиной гибели всех его стремлений к свободе, его попыток разрушить этот гнусный режим. Естественно возникла у него мысль преобразовать Париж в независимую коммуну, способную осуществить все то, что продиктует ей свободная мысль народа! Слово „Коммуна” вырвалось тогда из всех уст.

Коммуна 1871 года — первая попытка. Рожденная на исходе войны, стиснутая двумя армиями, готовыми протянуть друг другу руки, чтоб раздавить народ, она не посмела вступить на путь экономической революции. Она не объявила себя открыто социальной коммуной, не решилась приступить к экспроприации капиталов, к организации труда. Она не порвала окончательно с традициями государства и представительного правительства, не постаралась осуществить в Коммуне той организации, которую она представляла себе, провозглашая независимость и свободную федерацию коммун. Если-бы Парижская Коммуна просуществовала еще несколько месяцев, естественный ход событий натолкнул-бы ее на путь экономической революции. Потребовалось четыре года непрерывных восстаний, чтоб монархия стала буржуазной республикой; неудивительно, что парижский народ не сумел в один миг превратить государство грабителей в анархическую коммуну. Будущая революция будет коммунистической и осуществит все то, чего не успела сделать Парижская Коммуна.

Коммуна пала, и буржуазия мстила народу за страх, который он ей причинил своими попытками к освобождению.

Она доказала, что современное общество действительно разделено на два класса; с одной стороны рабочие, отдающие буржуазии больше половины своего производства и легко прощающие своим господам их обиды; с другой — бездельники с инстинктами дикого зверя, ненавидящие своих рабов и готовые их растерзать за малейшую провинность.

Оцепив Париж войсками и закрыв народу все выходы, они напустили на него целую армию солдат, озверевших от казарм и вина и сказали им: „Убивайте этих волков, волчиц и волчат!”

Народу же они сказали[7]:

„Что бы ты ни делал, ты погибнешь! Застанут тебя с оружием в руках, — смерть! Сложишь ты оружие, — смерть! Будешь сопротивляться, — смерть! Будешь молить о пощаде — смерть! Куда ты ни взглянешь: направо, налево, вперед, назад, вверх, вниз, всюду — смерть! Ты не только вне закона, ты вне человечества. Ни возраст, ни пол не спасут ни тебя, ни твоих. Ты умрешь, но раньше ты насладишься агонией твоей жены, сестры, матери, дочерей, сыновей, младенцев, взятых из колыбели! На твоих глазах будут вытаскивать раненых из госпиталей, рубить их шашками, добивать ружейными прикладами. Ты увидишь, как твоих братьев, обезумевших от боли, будут тащить за сломанную ногу и окровавленную руку и бросать в канавы, как кучу нечистот.

„Смерть! Смерть! Смерть!”

А после диких оргий и надругательств над грудями трупов, после массового истребления — месть! месть самая мелочная и отвратительная: плети, кандалы, каторга, нищета, оскорбления, голод и все самые утонченные проявления безумной жестокости!

Забудет-ли народ все эти ужасы?

„Подавленная, но не побежденная”, Коммуна возрождается сегодня. Возрождается она, не как мечта побежденных, ласкающих в своем воображении красивый мираж, — нет! Коммуна

стала определенной и близкой целью наступающей революции; эта идея проникла в массы, стала их лозунгом, объединила все народы под одним знаменем.

Мы верим, что наше поколение совершит социальную революцию в Коммуне, положит конец гнусной эксплуатации буржуазией, освободит народы от опеки государства, откроет в эволюции человечества новую эру свободы, равенства и солидарности.

II

Десять лет прошло с тех пор, как парижский народ, низвергнув правительство предателей, захвативших власть в день падения Империи, учредил Коммуну и провозгласил свою полную независимость[8]. И все же этот день остался самым светлым в воспоминании народа, все же к нему обращены наши взоры и надежды. Годовщину 18 марта 1871 года предлагают друг другу торжественно праздновать пролетарии Старого и Нового Света. Завтра вечером сотни тысяч сердец будут биться в унисон при воспоминании о смелом восстании парижского пролетариата; рабочие Европы, Соединенных Штатов и Южной Америки протянут друг другу руки через границы и океаны.

Идея, за которую французский пролетариат проливал кровь в Париже и долгие годы страдал на берегах Новой Каледонии, — одна из тех необъятных революционных идей, которые несут в изгибах своего знамени все стремления народов, идущих к освобождению.

Конечно, если мы ограничимся рассмотрением реальных и осязательных фактов, сопровождавших Парижскую Коммуну, мы придем к заключению, что эта идея недостаточно обширна, что она охватила лишь минимальную часть революционной программы. Но если мы проникнемся настроением, вдохновлявшим 17 марта народные массы, если мы оценим стремления, пытавшиеся пробиться наружу и задавленные горами трупов, — мы поймем все значение этого восстания и разделим симпатии к нему рабочих масс всего мира. Коммуна привлекает и вдохновляет не тем, что она сделала, а тем, что она обещает дать в скором будущем человечеству.

Откуда эта неодолимая сила движения 1871 года, притягивающая к себе симпатии всех угнетенных? Почему идея Парижской Коммуны так привлекательна для пролетариев всех стран, всех национальностей?

Ответ очень прост. — Революция 1871 года была народным движением. Созданная самим народом, родившаяся внезапно в его недрах, она в угнетенных массах нашла своих защитников, своих героев и мучеников. Этого характера „canaille” не простит ей никогда буржуазия. Основной идеей этой революции, — еще не определившейся, но уже ясно намеченной, — была идея социальной революции, пришедшей дать миру, после многих веков борьбы, настоящую свободу, настоящее равенство.

Эта была революция народа, идущего завоевывать свои права.

Напрасно стараются исказить её смысл и представить эту революцию, как простую попытку завоевать независимость Парижа и учредить таким образом маленькое государство во Франции. Париж никогда не стремился изолироваться, как не стремился подчинить себе оружием остальной Франции. Он не хотел укрыться в своих стенах, как бенедиктинец в монастыре, не вдохновлялся узкой замкнутой жизнью. Когда он требовал независимости, когда он стремился помешать вторжению в свои дела какого-бы то ни было центрального правительства, он видел в этом средство для совершения социального переворота, для спокойной выработки основ будущей организации. Он мечтал о революции, которая преобразует современный режим производства и обмена, изменит людские отношения и создаст общество, основанное на равенстве, справедливости и солидарности.

Независимость была только средством в глазах Парижа; целью его была социальная революция.

И он достиг бы этой цели, если-бы революция 18 марта не была прервана в своем бурном течении, если-бы парижский народ не был расстрелян картечью, изрублен шашками по приказанию версальских убийц. Найти ясное, определенное и доступное выражение для всего того, без чего не могла совершиться революция, было главной задачей Парижа с первого же дня его освобождения. Но великие идеи не созревают в один день, как-бы усиленно ни работала мысль, как бы ускоренно ни выработывались и ни пропагандировались новые идеи в периоды революций. Им нужно время, чтоб развиться, проникнуть в массы, перейти в действия, а этого времени не было у Парижской Коммуны.

Рожденная в переходное время, на рубеже двух периодов развития современного социализма, она не успела исполнить своей задачи. Что мог дать свободным мыслителям 1871 года признающий власть и правительство и даже религию коммунизм 1848 года? Где было найти парижанина, который согласился-бы запереться в фаланстерскую казарму? С другой стороны, коллективизм, стремящийся впречь в одну телегу заработную плату и коллективную собственность, оставался непонятым, мало привлекательным и представлял непреодолимые затруднения при практическом применении. А свободный, анархический коммунизм только что зарождался; он едва смел отражать нападки приверженцев правительства и власти.

Нерешительность царя в умах, и социалисты, не имея перед собой определенной цели, не смели приступить к уничтожению частной собственности. „Обеспечим себе победу, а там посмотрим что делать”, говорили они, успокаиваясь на этом шаблонном рассуждении.

Обеспечить победу! Но разве можно основать свободную Коммуну, не коснувшись собственности! Разве можно победить врагов, пока народ не заинтересован в торжестве революции, не уверен, что она принесет человечеству материальное, умственное и нравственное благосостояние! Они пытались учредить Коммуну, откладывая навремя социальную революцию, когда единственным средством учреждения Коммуны является социальная революция!

Провозглашая Свободную Коммуну, парижский народ провозгласил принцип преимущественно анархический. Но, так как в это время анархические идеи не проникли

еще в сознание народа, он остановился на пол-пути. В своей Коммуне он высказался за старый принцип власти и учредил Совет Коммуны, на подобие Городской Думы.

Раз мы признаем, что центральное правительство абсолютно не нужно для регулирования соотношений между коммунами, неужели мы допустим его необходимость для регулирования взаимных отношений между группами, составляющими Коммуну! Раз мы предоставляем свободной инициативе коммун право входить в соглашения относительно предприятий, касающихся нескольких коммун, неужели мы откажем в этом праве группам, составляющим каждую коммуну? Правительство в Коммуне не имеет большего *raison d'être*, чем правительство над Коммуной.

В 1871 году, парижский народ, низвергший столько правительств, впервые восстал против самой правительственной системы; но он не сумел освободиться от правительственного фетишизма и тоже учредил у себя правительство. Мы знаем, каковы были последствия. Он послал своих сынов в Городскую Думу. Там, вынужденные управлять, когда их убеждения требовали работы совместно с народом, вынужденные рассуждать, когда надо было действовать, они поняли всю бессмысленность своего положения, все свое бессилие. Утратив вдохновение, вдали от народа, этого очага революции, они в свою очередь парализовали народную инициативу.

Зарожденная в переходное время, в период глубокого перерождения социализма, осуществленная на исходе войны, в изолированном очаге, под громом пушек, Парижская Коммуна должна была погибнуть.

Но своим пролетарским характером и социальными идеями, она положила начало новой эре в серии революций и была предвестницей Великой Социальной Революции. Массовыми избиениями, неслыханными жестокостями, гнусным издевательством своих палачей над заключенными, буржуазия вырыла непроходимую пропасть между собой и пролетариатом. Своей мстостью и оргиями каннибалов, она произнесла над собой смертный приговор. Теперь народ знает, с кем он имеет дело; знает, что его ожидает, если во время будущей революции он не одержит решительной победы.

Когда Франция покроется сетью восставших Коммун, народ не изберет уже себе правительства и не будет ждать его приказаний. Изгнав всех паразитов, насевших на него, он завладеет общественными богатствами, и отдаст их во всеобщее пользование, согласно принципам анархического коммунизма. Он уничтожит частную собственность, правительство и государство и устроит свою жизнь на свободных началах, продиктованных ему силой необходимости. Разорвав цепи и разбив идола, человечество откроет себе путь к лучшему будущему. В своем гордом шествии к завоеванию свободы оно забудет, что были рабы и хозяева, и будет поклоняться только тем великим мученикам, которые своею кровью и страданиями положили начало его эмансипации.

Празднества и публичные собрания, организованные в память 18 марта во всех городах, где есть социалистические группы, заслуживают внимания, так как они ярко выражают настроение социалистов всего мира. Это праздники труда, праздники пролетария. На этих митингах социалисты высказывают свои новые идеи и стремления и обсуждают события 1871 года. Они не ограничиваются тем, что восхваляют героизм парижского пролетариата и призывают мстить виновникам майских избиений. Они стремятся доказать, что предрассудки о частной собственности и власти, царившие в то время в пролетарских организациях, помешали осуществлению Коммуны, не дали революционной идее развиваться и осветить мир своими живительными лучами.

1871 год послужил уроком для пролетариев всех стран. Они поняли, какова должна быть их будущая революция и порвали со старыми предрассудками.

Будущее восстание коммун не будет уже простым коммунистическим движением. Народ опередил тех, которые думают, что надо учредить Коммуну и потом в ней производить экономические реформы. Он знает, что только коренным социальным переворотом и уничтожением частной собственности будущая коммуна обеспечат себе независимость.

В день торжества социальной революции, когда правители будут изгнаны, и буржуазия, поддерживаемая ныне государством, потеряет свою силу — восставший народ не провозгласит уже нового правительства и не будет ждать, чтоб оно со свойственной ему мудростью, объявило экономические реформы. Он уничтожит частную собственность насильственной экспроприацией и завладеет, во имя народа, всеми общественными богатствами, добытыми тяжелым трудом предыдущих поколений. Он покинет свои сырые подвалы и переселится в светлые дома буржуев. Он немедленно примется за обработку естественных богатств и постарается утилизировать ценности, накопленные в городах. Он сам возьмется за производство и будет пользоваться общественным капиталом так, как будто он никогда не был похищен у него буржуазией. Когда капиталисты будут отстранены от промышленности, производство, уничтожив убивающая его спекуляции, переродится и будет развиваться соответственно требованиям свободного труда. — „Никогда не пахали во Франции так усердно, как в 1793 году, когда земля была вырвана из рук сеньеров”, говорит Мишле. — Никогда не работали так, как будут работать в тот день, когда труд станет свободным и успех каждого рабочего будет источником благосостояния для всей Коммуны.

Среди социалистов существуют различные взгляды на общественную собственность. Школа коллективистов, заменяя коллективизм старого Интернационала доктринерским коллективизмом, стремится установить различие между капиталом, предназначенным для производства, и капиталом, идущим на удовлетворение первых нужд. Машины, мастерские, сырой материал, пути сообщения и земля с одной стороны, жилища, мануфактурные продукты, одежда и съестные припасы с другой. Первые должны быть коллективной собственностью, вторые — частной.

Но народ, со свойственным ему здравым смыслом, убедился, что это различие — кажущееся и что точно установить его невозможно. Он понял, что дома, укрывающие нас; уголь и газ, сжигаемые нами; пища, поддерживающая нашу жизнь; одежда, защищающая нас; книга, дающая нам знания, и даже развлечения — являются необходимыми условиями нашего

существования. Они не менее способствуют успехам промышленности и прогрессивному развитию человечества, чем машины, сырой материал и другие предметы производства. Народ понял, что сохранить частную собственность на эти предметы, значило-бы сохранить неравенство, угнетения, эксплуатацию и заранее парализовать все результаты частичной экспроприации. Перескочив через препятствия, поставленные теоретическим коллективизмом, народ идет к коммунизму, не признающему власти (communisme anti-autoritaire).

На революционных собраниях пролетарии предъявляют свои права на все общественные богатства и требуют уничтожения частной собственности, как для потребительных, так и для производительных ценностей. „В день Социальной Революции мы завладеем всеми естественными богатствами, всеми ценностями, накопленными в городах, и предоставим их во всеобщее пользование“, говорят представители рабочих масс.

„Пусть каждый берет из общей кучи все, что ему нужно, и будьте уверены, что в житницах наших городов хватит пищи, чтоб прокормить весь мир до дня объявления свободы производства, достаточно одежды, чтоб одеть всех, и даже предметов роскоши хватит на весь мир“.

Одним словом, пролетарские массы требуют от революции: немедленного введения анархического коммунизма и свободной организации производства. Эти два пункта окончательно установлены. Коммуны надвигающейся революции не повторят ошибок своих предшественников, которые своими страданиями и пролитой кровью открыли человечеству путь к лучшему будущему.

Относительно взглядов на правительство среди социалистов существуют различные мнения.

Одни говорят, что в день наступления революции надо учредить правительство и передать ему власть. Сильное и решительное, оно произведет революцию, издавая соответствующие постановления и строго следя за их исполнением.

„Печальное заблуждение!“ — говорят другие. — „Центральное правительство, составленное из разнородных элементов и призванное управлять одной нацией, будет служить помехой для революции, так как в силу самой природы власти оно должно быть консервативным. Неспособное вселить революционный дух в отсталые коммуны, оно будет препятствовать развитию революции в коммунах, идущих впереди движения. Внутри-же восставшей Коммуны правительство или будет санкционировать факты, уже совершившиеся и следовательно станет излишним и даже вредным; или же будет действовать по своей воле, т. е. регламентировать то, что должно быть свободно выработано народом, применять теории там, где должна действовать свободная творческая сила социального организма, создающего новые формы общественной жизни. Люди, облеченные властью, запершись в канцеляриях будут тратить на праздные споры те способности и силы, которые при совместной работе с народом могли-бы быть употреблены на основание новых организаций. Бессильное там, где нужно настоящее дело, правительство будет служить тормазом для рационального развития человечества“.

Как бы естественно и справедливо не было это рассуждение, оно сталкивается с вековыми предрассудками и встречает противодействие со стороны тех, кому выгодно поддерживать религию правительства на ряду с религией собственности и религией божества.

Бог, Собственность и Правительство — вот самые опасные препятствия для будущей революции.

Однако, эти предрассудки уже сильно поколеблены. „Мы сами устроим свои дела, без вмешательства правителей. Нам не нужна опека священника, собственника и правителя”, говорят уже пролетарии. Анархисты в свою очередь энергично борются с поклонением этим принципам и надо надеяться, что ко дню наступления революции они будут достаточно поколеблены, чтоб не увлечь пролетарские массы на ложный путь.

Однако, есть существенный пробел в деятельности революционных союзов. Дело в том, что почти ничего не сделано для деревни. Все ограничилось городами. Деревня, казалось, не существовала для городских рабочих. Ораторы даже избегают упоминать в своих речах о деревне и о земле. Не зная стремлений крестьян, они не решаются говорить от их имени. Нужно-ли доказывать, на сколько это опасно? — Эмансипация пролетариата неосуществима, пока революционное движение не охватит деревни. Восстание не продержится более года, если оно не встретит сочувствия среди крестьян. Когда налоги и подати будут уничтожены, конечно, крестьяне поймут преимущества революции. Но было бы крайне неосторожно рассчитывать на то, что революционные идеи проникнут из городов в деревни без предварительной пропаганды. Надо узнать, каковы стремления крестьянина, каковы его взгляды на земельную собственность, как он понимает надвигающуюся революцию. Надо познакомить его с деятельностью городских пролетариев и доказать ему, что они не будут вредить земледельцу. Необходимо, чтоб рабочие привыкли уважать крестьянина и действовать с ним за одно.

Рабочие должны содействовать пропаганде в деревнях. В каждом городе должна быть маленькая специальная организация, ветвь Аграрной Лиги, для пропаганды среди крестьян. Необходимо, чтоб к этой пропаганде относились так же, как к пропаганде в промышленных центрах.

От этого зависит успех революции. Только в тот день, когда рабочий и земледelec, рука об руку, пойдут завоевывать Равенство для всех, революция победит мир и принесет счастье всему человечеству, как в убогую хижину, так и в богатые сооружения крупных промышленных аггломераций.

Версия #3

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 23 апреля 2025 23:24:32

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 23 апреля 2025 23:37:14